

ОБЪЕВЮ

травести

Гаэль Гарсиа Берналь — Газете

“я стал объектом для насмешек... и это мне понравилось”

Гаэль Гарсиа Берналь: «В фильме Педро Альмодовара я играл объект желания, поставленный на вымышленный и таинственный пьедестал» Фото: AFP

Ему прочат место Антонио Бандераса — то есть самой востребованной испаноязычной звезды в мире, а пока что мексиканец **Гаэль Гарсиа Берналь** стал одной из главных звезд Каннского фестиваля, будучи представленным сразу в двух фильмах — «Дурном воспитании» Педро Альмодовара и «Дневниках мотоциклиста» Уолтера Саллеса. С героем таких картин, как «Сука-любовь», «Нет вестей от Бога», «И твою маму тоже», побеседовал **Антон Долин**.

Что вас впечатляет больше — открывать Каннский фестиваль или участвовать в конкурсной программе и соревноваться с другими актерами за призы? А мне обязательно выбирать? Фильмы разные, впечатления тоже разные. Я не могу отдать предпочтение одному, да и не хочу. Чувствую лишь одно: облегчение, что только один из них в конкурсе.

Что вы почувствовали, когда Педро Альмодовар позвонил вам и предложил роль в «Дурном воспитании»?
Разумеется, я сразу понял, что у меня нет причин отказать ему. Мне безумно понравилась история, и я был очарован обоими главными героями, когда прочитал сценарий. Но был кастинг, Альмодовар всерьез отбирал актеров, и я выиграл. После этого во мне боролись два чувства: радостное возбуждение и страх. Да, я был напуган! Но теперь считаю, что эта роль ничем не сложнее любой другой.

А что вам казалось сложным поначалу?
Многое. Для того чтобы работать с Педро, надо быть требовательным — прежде всего по отношению к самому себе. Надо работать над ролью до тех пор, пока не достигнешь наилучшего результата. В этом есть что-то душераздирающее: стараешься изо всех сил, но впускаю, потому что знаешь — ни один вариант не будет достаточно хорошим, если он не будет самым лучшим. Находишься будто под давлением роли. Это крайне утомительно, сразу хочется поехать отдохнуть.

Куда вы ездите отдыхать?
Это мой секрет, не скажу вам. А то все туда станут ездить...

Возвращаясь к сложностям работы в этом фильме: они были скорее техническими или психологическими?

Сложным было все вместе. Ходить на высоких каблуках, говорить с испанским акцентом, прятать все эмоции, играть лжеца. Работа с Альмодоваром — сплошной эксперимент для актера, с начала и до конца. Приспособиться и привыкнуть к этому невозможно.

Вы сразу встали на высокие каблуки, чтобы начать готовиться к роли — то ли транссвестита, то ли женщины?
Нет, не сразу. Пришлось несколько месяцев принимать соответствующую физическую форму... да и со съемками «Дневников мотоциклиста» надо было закончить.

А как вам понравилось носить женскую одежду?
Отличное ощущение, будто высвобождаешь в себе что-то спрятанное. Справляешься с разнообразными табу... Я искал женщину в себе, и это чувство ни на что не похоже. Будто ищешь в себе... клоуна, так ищешь и женщину. Так сложно, так интересно меняться. Каждое движение руки, каждый жест — все должно быть женским.

Вам досталось в наследство после съемок платье, которое Жан-Поль Готье сделал для вашего персонажа?

Нет, а жаль. Сам не знаю почему. Надо было потребовать... Платье было просто превосходное.

Как вашим знакомым понравилось ваше женское обличье?

Я стал объектом для насмешек и розыгрышей. И это мне понравилось! Особенно смеялась моя мать: ей показалось, что в женском платье я — вылитая она в молодости. *(Смеется)*

Вам, мексиканцу, было трудно погрузиться в испанскую культуру?

Не так уж сильно они отличаются. Конечно, мы в Мексике мало знали об Испании времен Франко, но в культуре было немало параллелей. Для меня это было скорее путешествием во времени, нежели в пространстве.

И каково было путешествие во времени — ведь действие «Дурного воспитания» происходит в 1960—1980-х годах, а начинается еще до вашего рождения?

Проблема разрешалась очень просто: Педро — ходячая энциклопедия, и он рассказывал мне все, стоило только спросить. Какую они слушали музыку, какую носили одежду... все, от и до. А как он разбирается в кино! Любый позавидует. Я же разбираюсь мало в чем — например, в фильмах Альмодовара. Поэтому, готовясь к роли, пересматривал его картины с Викторией Абриль и Кармен Маурой.

В чем для вас главная разница между ролями в «Дневниках мотоциклиста», где вы сыграли Че Гевару, и «Дурным воспитанием», где вы играете сразу двух, но вымышленных персонажей?

Играя Че Гевару, я играл миф, а вместе с тем искал те вещи, которые ни у кого никогда не ассоциировались с образом Че. Когда играешь исторического персонажа, тебе достаточно почитать литературу — там написано все. Но проблема в том, что Че Гевара — не просто историческая личность, не просто миф: он почти Иисус Христос! Сами понимаете, каково было вдохнуть жизнь в такого героя. А в фильме Педро я играл совсем другое: объект желания, поставленный на вымышленный и таинственный пьедестал. Вы думаете, что знаете, кто такой Че Гевара, а я показываю его с другой стороны; вы совсем не знаете, кто такие Хуан и Игнасио в фильме Альмодовара, и вам предстоит это узнать.

В чем различие режиссерских стилей Педро Альмодовара и Уолтера Саллеса?

Прежде всего эти фильмы говорят о разном. «Дневники мотоциклиста» — о путешествии, о пути человека, а «Дурное воспитание» — о тайне, о желании. Вот что сближает Альмодовара и Саллеса: у каждого из них есть личный подход к кинематографу, и на компромиссы ни один из них не согласен. Они рассказывают ту историю, которую хотят рассказать. Уолтер отличается от Педро тем, что ему больше нравится работать в коллективе. А Педро всегда в центре, его не интересует ничье мнение.

В Испании кино делают по-другому, чем в Мексике?

О да! Во-первых, в Испании есть двухчасовой перерыв на обед. В Мексике он куда короче. Во-вторых, в Мексике не платят. Да и вообще, в Испании кинематограф куда богаче.

Что вас больше всего удивило?

То, что в Испании съемочный день начинается в десять утра. Это такая роскошь для актера! Я привык начинать в пять-шесть утра.

Не хотите переехать в Испанию?

Зачем? Лучше уж жить в Мексике, а зарабатывать в Испании. *(Смеется)*

А сейчас вы живете в Мексике?

Да, в Мехико. Живу один.

Не очень-то вы любите говорить о личной жизни...

Не в этом дело. Не надо видеть в этом специальный рекламный план — «об этом говорить, о том не говорить». Я еще молод, моя жизнь началась не так давно, и я не хотел бы себе противоречить. В моей жизни важен первый импульс, и я могу ляпнуть что-нибудь в состоянии эйфории, а потом понять, что сказал что-то не то. Нет, дело тут не в защите интересов. Я говорю о том, что понимаю: о работе например.

Вы думаете, что эти два фильма повысят вашу популярность в Европе и США?

Об этом не мне судить. Я о популярности не думаю. Думать об этом — значит готовиться к последствиям, а я не способен контролировать последствия. Я веду бесконечный диалог с собой, стараюсь научить себя получать удовольствие от рабочего процесса, да и от жизни тоже — вот и все. Но здесь, в Каннах, мне нравится: все кажется таким демократичным, и гонорары ничего не значат. Что касается моей известности... я просыпаюсь поутру и не чувствую никаких изменений.

А каким было ощущение восхождения по красной дорожке на церемонии открытия фестиваля?

Оно было... очень быстрым. Несколько минут, вспышки фотокамер, и ты теряешься, а потом — бум! — все кончилось. Нет, в самом деле, вам снаружи этот процесс виден куда лучше, чем мне изнутри. Но сама идея такой пышной церемонии для того, чтобы отдать должное фильму — то есть чему-то вымышленному, — мне по душе.

Как и когда вы решили стать актером?

Я вообще не собирался играть в кино, хотел быть театральным актером... Это само собой получилось. Меня вдохновили некоторые наши, мексиканские звезды.

А что бы вы делали в жизни, если бы не стали актером?

Я бы не делал ничего! В смысле — делал бы много что. И не работал бы.